

Пронкин С.В.

Акты правительственного конституционализма в исследованиях второй половины XIX–начале XX в.

Правительственный конституционализм – важный феномен политической истории России XVIII – начала XIX вв. Его смысл заключался в намерении самих высших государственных институтов «сверху» перейти к конституционной форме правления, которая в те время ассоциировалась с ограничением власти монарха фундаментальными, «непременными» законами. Самыми известными памятниками правительственного конституционализма в рассматриваемый период являлись «Кондиции» («Пункты»), составленные в 1730 г. Верховным тайным советом (далее – ВТС) и «Введение к уложению государственных законов» («План всеобщего государственного преобразования») (далее – «Введение» или «План»), написанный в 1809 г. М.М.Сперанским. Первый опыт изучения «Кондиций» относится к XVIII – первой половине XIX вв., но историки того времени ограничивались простым упоминанием об их существовании, причем «затейка» ВТС вызывала их единодушное осуждение¹. «Введение» же 1809 г. сохранялось в секрете, поэтому не могло стать предметом изучения в подцензурной печати.

Самый продуктивный период исследования данных актов пришелся на вторую половину XIX – начало XX вв. Именно в это время начинается их действительно *научное* изучение. Одновременно в историографии наметилось два направления. Представители первого из них относились к предпринятым попыткам ограничения критически. В большинстве своём к нему принадлежали исследователи, придерживавшиеся консервативных или, напротив, лево-демократических взглядов. Сторонники второго относились к данным предприятиям с симпатией, позитивно. В политическом отношении они обычно придерживались либеральных взглядов. Однако на практике конкретная работа могла сочетать отдельные положения «критической» и «позитивной» историографии, занимать «среднее» положение между ними.

«Кондиции». Критическое направление историографии «Кондиций», монопольно представленное в литературе XVIII – начала XIX вв., первоначально доминировало и в 60-х – 70-х гг. XIX в. К данному направлению относилась статья П.К. Щербальского, являвшаяся первым специальным исследованием проблемы². Принадлежавшая научно-популярному жанру, она основывалась преимущественно на немногочисленных в то время опубликованных источниках. Поэтому автор, уверенный в том, что подлинник «Кондиций» не сохранился, пересказал их содержание, основываясь на сообщениях иностранцев. Щербальский обратил внимание на разногласия в рядах образовавшейся против ВТС оппозиции, попытался не ограничиться простым изложением хода событий, но проанализировать их, выяснить причины как возникновения «затейки», так и её неудачи. Для характеристики настроений шляхетства он впервые сослался на рукописное «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося

¹ См.: Прокопович Феофан. О смерти императора Петра Второго и о восшествии на престол государыни императрицы Анны Иоанновны // Московский вестник. Ч. 1. М., 1830; Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. В 4 кн. Кн. 1. М., 1768; Безак Х. Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785; Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. В 2 т. Т. 2. СПб, 1788; Мальгин Т.С. Зерцало российских государей. СПб., 1794; Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 2. Новая история. СПб., 1845; Вейдемеер А. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1848 и другие. «Затейкой» назвал действия ВТС Феофан Прокопович.

² См.: Щербальский П.К. Вступление на престол императрицы Анны // Русский вестник. 1859. Т. 19. Кн. 1. С. 5–67.

шляхетства русского оправлении государственным», но не выявил его автора – В.Н.Татищева. Несколько позже к исследованию событий 1730 г. приступил С.М.Соловьев, получивший редкую для того времени возможность проводить целенаправленный поиск в архивах. Первые результаты этих изысканий были обобщены в статье «Птенцы гнезда Петрова», опубликованной в 1861 году³. Но «затейка» 1730 г. не стала её главным предметом, рассматривалась как эпизод биографии некоторых соратников Петра Великого. С большим вниманием к ней отнесся Н.А.Попов, монография которого появилась в один год со статьей С.М.Соловьева⁴. Данный труд относился к тем работам, которые обозначили переход русской исторической науки на качественно новый этап, но при этом и в методологии, и в концепции несли следы предшествующей эпохи. Попов одним из первых связал события 1730 г. с образованием в 1726 г. ВТС, считая его изначально олигархическим учреждением. Вместе с тем, несколько противореча себе, автор привел сообщение французского дипломата Маньяна о замыслах князя Д.М.Голицына, которые не носили подобного характера. Некоторый вклад в исследование событий 1730 г. внес И.А.Чистович, монография которого повторяла сильные и слабые стороны работы Н.А.Попова⁵. Те её главы, которые были посвященные воцарению императрицы Анны, оказались наименее удовлетворительными, на события автор глядел глазами Прокоповича – свидетеля крайне пристрастного. В 1869 г. к проблеме вернулся С.М.Соловьев, опубликовавший XIX том «Истории России с древнейших времен». К замыслам верховников историк отнесся без симпатии. Он признал составление «Кондиций» олигархическим действием, цель которого заключалась в придании «вельможеству самостоятельного значения»⁶. По мнению историка, успех «затейки» не сулил России процветания. Она могла превратиться в подобие современных ей Швеции и Польши, где иностранные державы приобретали влияние через подкуп членов ограничивавших королевскую власть государственных учреждений. Поэтому провал верховников историк считал закономерным и полезным для России. Работы Н.А.Попова, С.М.Соловьева, И.А.Чистовича и П.К.Щебальского представляли различные оттенки критического направления историографии, которые объединялись представлением об олигархическом характере замысла верховников и, как следствие, о его закономерном провале.

Её позитивное направление было намечено написавшим рецензию на работу Н.А.Попова М.Н.Лонгиновым. Он объявил подобные, идущие из предшествующей историографии, оценки «близорукими и неверными»⁷. Но подлинным его основоположником стал Е.П.Карнович, опубликовавший статью – отклик на XIX том «Истории» С.М.Соловьева⁸. Автор не ставил перед собой цель уточнить фактическую сторону вопроса. Его задача иная – глубже изучить причины событий, их связь с прошлым России. Карнович, не говоря об этом прямо, вступил в скрытую полемику со знаменитым историком и, по собственному признанию, постарался развенчать укоренившийся историографии стереотипа относительно событий 1730 г. как «заговора нескольких олигархов, уничтоженного противодействием народной воли»⁹. Правда, писал он, «что верховники принялись за дело не совсем ловко, с излишней

³ См.: Соловьев С.М. Птенцы Петрова Великого // Русский вестник. 1861. Т. 31. С. 93–126.

⁴ См.: Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.

⁵ См.: Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 10. М., 1999. С. 228.

⁷ Русский вестник. 1861. Т. 34. № 8. С. 108.

⁸ См.: Карнович Е.П. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // Отечественные записки. 1872. № 1–2.

⁹ Там же. С. 209.

самоуверенностью и с нескромными притязаниями в свою пользу», но «они не были вовсе одинокими представителями того протеста против существовавшего положения дел, который высказывался и с других сторон, только или в иной форме, или с меньшей решительностью»¹⁰.

«Среднее» направление историографии представлял Д.А.Корсаков, монография которого при всех обнаружившихся позже недостатках стала высшим достижением дореволюционной историографии¹¹. Автор, получивший всё ещё редкий «допуск» в государственные архивы, внимательно изучил относившиеся к событиям документы, многие из которых были опубликованы им впервые. Это – основная заслуга Корсакова. Долгое время историки, лишённые возможности проводить собственные изыскания в архивах, черпали фактический материал из его публикации. Только через девяносто лет правильность произведенной им атрибуции некоторых документов была поставлена под сомнение. В своих оценках деятельности ВТС историк «застрял» между её критической и позитивной оценками. Считая замысел верховников «ошибочным и произвольным», он одновременно признавал его неслучайным. Корсаков критиковал верховников, но при чтении монографии создается впечатление, что они как личности ярче, талантливее и даже благороднее своих противников.

В целом, монография Д.А.Корсакова была встречена научной общественностью благожелательно, трудно было отрицать важности его архивных поисков¹². Но Н.И.Костомаров посчитал, что Корсаков, «проверив и исправив многие неточности», но «не открыл Америку»¹³. Особое недовольство ряда рецензентов вызвал компромиссный характер выводов автора. Н.П.Загоскин критиковал их с «критической» позиции. По его мнению, монография Корсаков якобы не вносила ничего нового в изучение проблемы, повторяя выводы, сделанные ранее Е.П.Карновичем, вслед за которым автор пытался очистить ВТС от обвинений в олигархических замыслах и приписать шляхетству какое-то «политических умоначертания». Загоскин же считал, что политические идеалы существовали тогда только у немногих образованных представителей дворянского сословия, основная же его масса не шла дальше элементарных социальных инстинктов и «руководилась стадным началом»¹⁴. Наконец, Загоскин упрекал Корсаков в игнорировании истории допетровской России, где можно было обнаружить истоки движения 1730 г. в попытках московских бояр ограничить царскую власть. Не менее резко отозвался о выводах Корсакова в демократическом «Деле» С.С.Шашков. Ни при каких обстоятельствах «Кондиции» не могли превратиться в нашу «Великую хартию вольности», полагал он, т.к. «никакая олигархия не может ничего принести народу, кроме вреда»¹⁵. Замечания Н.А.Осокин имели много общего с критикой Н.П.Загоскина, но существовали и заметные отличия в их позиции¹⁶. Признавая случайность и поверхностность многих проектов шляхетства, он отказался связывать конституционное движение того времени только с «затейкой» кучки вельмож, полагая, что оно имело почву в более широких общественных кругах. Как и Карнович, Осокин считал преувеличенными обвинения верховников в стремлении к олигархии. С этим был согласен Е.А.Белов, который полагал, что в чистом виде в России олигархия не могла состояться в принципе, против неё

¹⁰ Карнович Е.П. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. С. 210.

¹¹ См.: Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

¹² Смотрите рецензию К.Н.Бестужева-Рюмина в: Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 11. С. 217–220.

¹³ Костомаров Н.И. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880 // Вестник Европы. 1880. Кн. 11. С. 329–342.

¹⁴ Загоскин Н.П. Верховники и шляхетство 1730-го года. СПб., 1881. С. 23.

¹⁵ SS. «Коварные письма» или русская Magna Charta // Дело. 1881. № 1. С. 32.

¹⁶ См.: Осокин Н.А. Полторака лет назад. СПб., 1881.

выступили бы все общественные слои. Олигархия возможна была только под прикрытием царской власти, в виде камарильи, «поэтому Бирон, Остерман, Миних и прочие могли создать олигархию, а Голицын – не мог бы, если бы даже и хотел»¹⁷. Но Д.М.Голицын и не стремился к этому, по своим личным качествам он не был способен играть роль «беззаконника-олигарха».

Юридической разработкой проблемы, естественно, занялись правоведы, в среде которых возникли те же оценочные разногласия, что и среди гражданских историков. События 1730 г. они часто рассматривали не как самостоятельное явление, а в связи с историей государственных учреждений России, точнее – ВТС. Оценки И.Е.Андреевского были критическими: «Кондиции» явились «созданием маленького кружка придворных, взявшими по смерти императора в свои руки временное управление делами, и тотчас же были уничтожены самою императрицею по просьбе стоявших около престола сановников»¹⁸. С предубеждением отнесся к ВТС и А.Д.Градовский. По его мнению, Совет «явился олигархией в самых грубых формах, олигархией, стремившейся притом одеться в шведское платье и изображать собою Государственный совет»¹⁹. Итак, для него «Кондиции» – грубая олигархическая затея, первым шагом к которой стало само образование ВТС. В этих оценках с Градовским были согласны А.В.Романович-Славатинский и М.Ф.Владимирский-Буданов²⁰. Несколько иначе деятельность ВТС оценивал И.И.Дитятин, принадлежавший к позитивному направлению историографии. Он считал не только возникновение Совета, но и его стремление ограничить самодержавие вполне закономерным ходом событий. Вслед за Н.П.Загоскиным и Н.А.Осокиным он обратил внимание на аналогичные прецеденты в прошлом России, на прозвучавшее после смерти Петра I предложение передать власть его внуку при регентстве императрицы Екатерины Алексеевны и Сената. Из-за известных событий, продолжал Дитятин, Екатерина I приобрела формально неограниченную власть, но фактически она была ограничена. Совет формально имел цель «облегчить бремя правления» императрицы, но на самом деле почти совсем освободил её от этого «бремени»²¹. Остановившись на «Кондициях», Дитятин примкнул к тем, кто не считал их заурядным олигархическим предприятием, подчеркивал, что ни один из шляхетских проектов не восставал против самого намерения ограничить власть императрицы.

Классическим произведением позитивной историографии стала статья П.Н.Милюкова «Верховники и шляхетство», позже вышедшая отдельным изданием²². Милюков стал лидером тех, кто продолжил попытки очистить верховников от обвинений в олигархических, корыстолюбивых расчетах. Оправдывая ограниченность политического содержания «Пунктов», историк полагал, что они были только частью замысла князя Д.М.Голицына, который одновременно разработал более широкий политический проект. Милюков признавал, что архивы ВТС не сохранили данный план, но был убежден в возможности реконструировать его на основании сообщений

¹⁷ Белов Е.А. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880 // Исторический вестник. 1881. № 1. С. 199.

¹⁸ Андреевский И.Е. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1866. С. 131.

¹⁹ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры // Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 1. СПб., 1899. С. 174.

²⁰ См.: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев, 1886. С. 64, 66; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3. Киев; СПб., 1900. С. 267–268.

²¹ См.: Дитятин И.И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 598.

²² См.: Милюков П.Н. Верховники и шляхетство // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 1–51; Он же. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905.

иностранных дипломатов. Проведя данную реконструкцию и отметив «аристократический отпечаток» проекта, Милюков все-таки не видел в нём не только «своекорыстно-личного», но даже «своекорыстно-сословного» содержания²³. Концепция П.Н.Милюкова получила развитие в научно-популярных работах М.М.Богословского, С.Г.Сватикова и В.Е.Якушкина²⁴.

«Классиком» противоположного (критического) направления историографии стал государствовед А.С.Алексеев, проследивший эволюцию ВТС в правление двух ближайших преемников Петра I²⁵. Он отрицал связь между Советом как учреждением и попыткой ограничения самодержавия в 1730 г. «Кондиции 1730 г., – писал он, – не органический плод предшествующего развития, не результат общественного движения, имеющего корни в нашем прошлом, а политическая интрига небольшого кружка лиц, стоявших в стороне от общенародья и действовавших помимо и вопреки его желаниям»²⁶. Считая «затейку» олигархическим проектом, Алексеев отрицал существование «плана Голицына», который, по его мнению, был компиляцией, основанной на сообщениях нескольких иностранных дипломатов. Выступление Алексеева оживило интерес к проблеме, но из-за своей публицистичности и некоторой противоречивости выводов мало повлияло на состояние дореволюционной историографии. В оценке «Кондиций» к А.С.Алексееву был близок другой видный государствовед – А.Н.Филиппов, признававший их вполне олигархический характер. Но в отношении к ВТС как учреждению, в вопросе о взаимосвязи факта его создания в 1726 г. и событий 1730 г. позиции двух правоведов разошлись, между ними возникла острая полемика²⁷.

Задача большинства отмеченных выше работ заключалась не в обнаружении новых исторических фактов, но в трактовке уже известных исторической науке. Однако на закате дореволюционной историографии, когда после революции 1905–1907 гг. внешние условия для изучения истории отечественного конституционализма улучшились, появилось несколько работ более высокого источниковедческого уровня. Статья Н.В.Голицына сделала доступными новые документы, касавшиеся роли Феофана Прокоповича в воцарении императрицы Анны²⁸. Монография Б.Л.Вяземского содержала всесторонний анализ деятельности ВТС в 1726–1730 годы, включая её организационную сторону. Автор также уточнил численность Совета в 1730 г., посчитав, что она составляла не 8, а 7 человек, князь М.В.Долгорукий не входил в его состав. Рассматривая события 1730 г., Вяземский присоединился к мнению П.Н.Милюкова как в оценке мотивов поведения Д.М.Голицына, так и в вопросе о том, были ли «Кондиции» венцом ограничительных намерений князя или у него существовал дополнительный «план»²⁹. К работе Б.Л.Вяземского логически примыкала монография В.Н.Строева, который сделал предметом своего исследования

²³ Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. С. 22.

²⁴ См.: Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. М., 1906; Сватикова С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906.

²⁵ См.: Алексеев А.С. Легенда об олигархических тенденциях Верховного тайного совета в царствовании Екатерины I. М., 1896; Он же. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.

²⁶ Алексеев А.С. «Сильные персоны» в ВТС Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С. 4.

²⁷ Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с ВТС. Юрьев, 1898. С. 6, 7; Он же. Высокий Сенат в царствования Екатерины I и Петра II // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. I. СПб., 1911. С. 353; Он же. Учебник истории русского права. Ч. I. Юрьев, 1914. С. 611.

²⁸ См.: Голицын Н.В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4. С. 519–543.

²⁹ Вяземский Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909. С. 69.

политического преемника ВТС – Кабинет министров³⁰. Его взгляд на события 1730 г. неоригинален, автор ориентировался на работы Д.А.Корсакова и П.Н.Милюкова.

Драматические события 1730 г. были затронуты в ряде общих работ по русской истории, включая учебную литературу. Их авторы опирались на уже известные источники, но, обладая большой научной эрудицией, делали интересные ремарки, давали углубленный анализ отдельных сторон проблемы. Скорее положительно оценивал намерения верховников Н.И.Костомаров, посвятивший в «Русской истории в жизнеописаниях её главных деятелей» отдельные очерки Феофану Прокоповичу и императрице Анне Иоанновне³¹. Более критично воспринимал их В.О.Ключевский³². По его подсчетам, это была седьмая попытка закулисного вымогания свободы правительственным кружком и четвертым опытом формального ограничения власти³³. Скептически смотрел на инициаторов «Кондиций» и С.Ф.Платонов³⁴. Ещё более резко о «затейке» высказался В.Я.Уланова. «Что ни говорят в защиту широких конституционных планов верховников, но даже самые талантливые их адвокаты согласны в том, что их конституционный проект был строго олигархическим, – писал он, – верховная власть ограничивалась только восьмью лицами, из которых шесть были представителями двух вельможных фамилий; уступки, сделанные им впоследствии, не говорят ещё о широте и искренности их конституционных замыслов»³⁵. Напротив, А.А.Кизеветтер, отталкиваясь от теории «всеобщего закрепощения», якобы существовавшего в русском государстве XVI – XVII вв. и достигшего своего апогея при Петре I, считал события 1730 г. закономерными и позитивными, связанными с началом кризиса данной системы. «Закрепощенная сверху до низу Россия отживала последние дни, – писал он, – подготовлялось раскрепощение русского общества от многовекового «государева тягла»³⁶. Во главе движения закономерно встало дворянство как наиболее сильный класс общества, но только немногие из его среды в итоге оказались готовы к сознательной политической деятельности. Не согласился с теми, кто смотрел на «затейку» как на стремление ВТС ограничить власть в свою пользу М.К.Любавский, сославшийся на «план» Д.М.Голицына³⁷.

За относительно короткий срок дореволюционные историки достигли значительных успехов в исследовании событий 1730 г. Применительно к «Кондициям», были разысканы и опубликованы основные документы, относящиеся к обстоятельствам вступления на престол Анны Иоанновны, в общем виде восстановлена фактическая сторона событий, исследованы их предпосылки и последствия. Вместе с тем считать проблему «закрытой» было нельзя. Во-первых, архивные изыскания проводились лишь немногими исследователями и были далеки от завершения. На начальной стадии находилось источниковедение проблемы, из выявленных политических проектов того времени с ВТС связывались только «Кондиции» и «Пункты присяги», аутентичный же текст «плана Д.М.Голицына» не был обнаружен, что позволило А.С.Алексееву поставить под сомнение сам факт его существования. Во-вторых, отсутствовало согласие в оценке уже известных фактов.

³⁰ См.: *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны Иоанновны. Ч.1. М., 1909.

³¹ См.: *Костомаров Н.И.* Архиепископ Феофан Прокопович // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Вып. 6. СПб., 1876. С. 879–880; Он же. Императрица Анна Ивановна // Там же. Т. 2. Вып. 7. СПб., 1888. С. 108–212.

³² См.: *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М., 1993.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 552.

³⁵ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 3–4. М., 1992. С. 361.

³⁶ *Кизеветтер А.А.* Русского общество в XVIII столетии. Ростов-на-Дону, 1905. С. 16.

³⁷ См.: *Любавский М.К.* Русская история XVII – XVIII вв. СПб., 2002.

Введение к уложению государственных законов. Ещё большие успехи были достигнуты в исследовании другого продукта правительственного конституционализма – «Введения к уложению государственных законов». Только в это время стало возможно простое упоминание в подцензурной печати о факте существования «Плана» Сперанского, а затем и его научное изучение. Главная проблема, стоявшая перед первыми исследователями «Введения», заключалась в обнаружении его аутентичного текста. В их распоряжении первоначально был текст, опубликованный в 1847 г. на французском языке политическим эмигрантом Н.А.Тургеневым. Уже необходимость его обратного перевода на русский язык неизбежно вела к некоторым смысловым искажениям текста, главная же проблема заключалась в самой сути публикации Н.А.Тургенева. Последний не скрывал, что излагает не весь проект, а только извлечения из него, «экстракты», что не позволяло составить целостное представление о «Плане». На деле же ситуация оказалась ещё запутаннее – публикация Тургенева оказалась компиляцией, в основе которой лежали выдержки из проекта 1809 г., к которым были добавлены извлечения из других обнаруженных в бумагах М.М.Сперанского записок, не все из которых принадлежали ему как автору. Поэтому исследователи первоначально получили искаженное представление о действительном содержании «Введения», Сперанскому стали приписывать симпатии к аристократическому строю Великобритании, стремление создать в России подобие английской аристократии с системой майората. Только в 1899 г. подлинный черновой вариант «Плана» был опубликован В.И.Семевским³⁸.

Успехи источниковедения, расширение круга находившихся в распоряжении исследователей документальных материалов шли параллельно с успехами в их осмыслении историками и публицистами. Первую попытку написания развернутой биографии М.М.Сперанского предпринял М.Н.Лонгинов³⁹. Но его статья была написана с опорой на опубликованные источники, являлась не анализом государственной деятельности, а пересказом «послужного списка» Сперанского. Сам автор признал, что не ставит перед собой задачу написания настоящей биографии Сперанского, но только максимально полно обобщает доступные ему печатные и рукописные источники, а также изустные предания. Информацию о «Плане» 1809 г. Лонгинов, не афишируя этого, почерпнул у Н.И.Тургенева. Но настоящим пионером в изучении государственной деятельности М.М.Сперанского стал барон (позже граф) М.А.Корф⁴⁰. Ценность его монографии заключалась не только в том, что автор впервые ввел в научный оборот многие документы Сперанского, воспоминаний о нём, которые без этого могли быть утеряны. По широте использования источников, критическому их осмыслению, литературным достоинствам монография Корфа стала событием в отечественной исторической науке как таковой. Автор – видный сановник Николая I – придерживался консервативных взглядов. Тем не менее, его исследование достаточно объективно, для него не характерна односторонность оценок и выводов, автор принял за правило приводить свидетельства как в пользу Сперанского, так и против него, *pro et contra*. Но даже Корфу не удалось подробно остановиться на «Плане» 1809 г. По причине не только цензуры, но и самоцензуры исследователь был вынужден изъять из рукописи многие «опасные» материалы, ограничиться указанием на само существование конституционного проекта и его общей оценкой. «Колоссален был этот план, исполненный смелости как по основной своей идее, так и в подробностях развития», – писал он, признавая одновременно его несвоевременным,

³⁸ См.: Введение к уложению государственных законов // Историческое обозрение. Т. 10. СПб., 1899. С. 1–62.

³⁹ См.: Лонгинов М.Н. Граф Сперанский // Русский вестник. 1859. Т. 23. № 10. С. 337–378, 527–576.

⁴⁰ См.: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861.

несоответствующим уровню развития страны⁴¹. Корф стал основоположником консервативно-критического направления историографии проблемы. Талантливая монография Корфа привлекла внимание к деятельности Сперанского историков и публицистов, которые стали широко использовать помещенные в ней документальные материалы, но относительно самого конституционный проект продолжало сохраняться табу. Отклики на книгу Корфа были разноречивыми. Кто-то отзывался о ней с восторгом, другие критиковали, причем критика, естественно, была обращена главным образом на пропуски и умолчания в монографии⁴².

Наряду с монографией М.А.Корфа, консервативно-критическое направление историографии было представлено многотомным исследованием генерала М.И.Богдановича⁴³. Как и Корф, он представлял сановную элиту России, что открыло ему доступ в правительственные архивы. В своем отношении к «Плану», о существовании которого он также только упомянул, Богданович близок Корфу, часто ссылаясь на мнение последнего, но по-военному более категоричен в негативном отношении к конституционным намерениям Александра I. В 1871 г. была опубликована посвященная монографии Корфа статья М.П.Погодина⁴⁴. К самому М.М.Сперанскому, отдавая должное его таланту государственного деятеля, Погодин отнесся не без симпатии, но к проекту 1809 г., не вдаваясь в его подробности, – негативно. «Сперанский был великим уставщиком, как бы доктринером, опередившим в 1810 г. многие конституционные правления в Европе», – писал он⁴⁵. Близкую оценку деятельности М.М.Сперанского дал правовед А.В.Романович-Славатинский. Посчитав его «одним из даровитейших русских людей», он указал на падение государственного секретаря в 1812 г. как на рубеж, который разделил его политическую биографию. На ранний период последней пришлось «молодая и светлая пора его государственной деятельности», когда был разработан масштабный план государственных преобразований, но после 1812 г. Сперанский на горьком опыте убедился, что «вековые порядки не пересоздаются одним взмахом пера», поэтому задался целью сознать эти порядки, собрав их воедино в Свод законов⁴⁶.

Разработанная представителями критической историографии концепция основывалась на следующих постулатах:

- Составление «Введения», рассматривалось как достаточно случайное событие, вызванное увлечениями императора Александра I и некоторых лиц, входивших в его ближайшее окружение.
- Либеральные симпатии императора также считались случайными, связанными с ошибочным направлением его воспитания.
- Сотрудники Александра I по его реформаторской деятельности, в том числе Сперанский, рассматривались как люди образованные, способные, но недостаточно знавшие Россию и действовавшие под влиянием иностранных образцов.
- Неудача конституционного замысла Александра Павловича признавалась консерваторами естественной, он не мог состояться из-за столкновения с социально-

⁴¹ Там же. С. 110.

⁴² См.: *Благосветлов Г.Е.* Один из наших государственных деятелей // Сочинения. СПб., 1882. С. 539–565; *Дмитриев Ф.* Сперанский. М., 1862; *Протопопов Д.* Несколько слов о Сперанском // Русский архив. 1876. № 2; *Новаковский В.* Биографические очерки. М.М.Сперанский. СПб и другие.

⁴³ См.: *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1–6. СПб., 1869–1871.

⁴⁴ См.: *Погодин М.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871. № 1–3. Ст. 1096–1251.

⁴⁵ Там же. Ст. 1228.

⁴⁶ *Романович-Славатинский А.В.* Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского. Киев, 1873. С. 5–6.

политической реальностью.

Данные концептуальные идеи отстаивали и развивали новые поколения представителей консервативно-критической историографии. Но вскоре возникло и стало развиваться альтернативное ей позитивное направление, основоположником которого стал известный историк и публицист А.Н.Пыпин⁴⁷. Его монография, несмотря на некоторую идеологическую заданность, являлась серьезным научным исследованием. Прогрессивная направленность в сочетании с литературными достоинствами объясняла популярность книги, которая до 1917 г. выдержала пять изданий. Достоинства монографии увеличивали документальные приложения, где было первоначально помещено «Пермское письмо», в котором М.М.Сперанский описывал обстоятельства появления «Плана». Последний подробно пересказывается в монографии, правда, в ошибочном варианте Н.А.Тургенева. Позитивная концепция конституционного проекта 1809 г., у истоков которой стоял Пыпин, основывалась на следующих положениях:

- Разработка «Введения» считалась не случайным, а закономерным явлением, связанным с предшествующим политическим и интеллектуальным развитием России. Обращалось внимание на предпринимавшиеся ранее попытки подобных преобразований государственного строя России.

- Признавались противоречия в характере Александра I, отдельные ошибки в воспитании императора, но общее его направление считалось верным. Следствием полученного воспитания считалась вызывавшая симпатию у историков данной направленности приверженность императора «законно-свободным» учреждениям.

- Бралась под защиту Сперанский и другие либеральные сотрудники Александра I, которым, возможно, иногда не хватало практицизма, но это компенсировалось гораздо более важными для государственных деятелей качествами – пониманием общих проблем России и путей их решения.

- Неудача конституционного проекта 1809 г. объяснялась преимущественно субъективными факторами: колеблющимся характером Александра I, неумением Сперанского противостоять придворным интригам и т.д.

Отдельной оценки заслуживает позиция Н.Г.Чернышевского, также откликнувшегося на книгу М.А.Корфа⁴⁸. Опираясь на опубликованные Корфом материалы, обильно цитируя их, радикальный публицист дал свою оценку личности «русского реформатора». Протестуя против попыток представить его приверженцем бюрократической централизации, он одновременно указал, точнее, намекнул на главную причину неудачи преобразовательных планов Сперанского и крушения его служебной карьеры: расчет на радикальные реформы «сверху», на преобразование верховной власти посредством самой власти. Статья Чернышевского из-за своего относительного небольшого объема, использования ограниченного круга источников и подцензурного характера не стала последовательным и развернутым изложением революционно-демократической концепции правительственного конституционализма эпохи Александра I, но обозначила её отдельные контуры:

- Не только деловые способности Сперанского, но и его личные качества оценивались достаточно высоко. Те изъяны характера «позднего Сперанского», которые невозможно было игнорировать, объяснялись тяжелыми жизненными обстоятельствами, «катастрофой» 1812 г. «Мало ли до чего доводит человека жизнь, – писал Чернышевский, – и мы припишем эти черты не натуре Сперанского, а тяготению

⁴⁷ См.: Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1871.

⁴⁸ См.: Чернышевский Н.Г. Русский реформатор (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. СПб., 1906. С. 292–319.

обстановки»⁴⁹.

- Сам замысел Сперанского, его намерение произвести в России радикальную политическую реформу считался своевременным и позитивным.
- Ответственность за его неудачу возлагалась на носителя верховной власти, которая оказалась не способной «самореформироваться».
- Из неудачи конституционного проекта 1809 г. извлекался исторический урок: проведение подлинных конституционных преобразований возможно только «снизу», через борьбу общества с властью.

В историографии принято рассматривать Чернышевского как основоположника революционно-демократической системы взглядов на правительственный конституционализм начала XIX в., но это не совсем справедливо. В подцензурной печати Чернышевский не мог высказаться вполне откровенно, поэтому внешне его взгляды казались близкими позитивно-либеральному направлению историографии. От последующих леворадикальных историков и публицистов его отличали в данном случае недостаточная критическо-полемиическая заостренность. Но различия между Чернышевским и либеральными историками были заметны – две концепции расходились в вопросе о потенциале правительственного конституционализма. Либералы верили в его жизнеспособность, выступали за преобразование России посредством реформы сверху, Чернышевский, напротив, ссылаясь на опыт Сперанского, выступал за «давление» снизу.

После всплеска интереса к проблеме, наблюдавшегося в эпоху «Великих реформ», в 80-е годы XIX в. внимание к ней падает. Перестали появляться специальные монографические исследования, публиковавшиеся учебные курсы в научном отношении были вторичны, в них преобладали критические или «средние» оценки⁵⁰. Но, внося мало нового в исследование проблемы, они как бы подводили итог предшествующей историографии. Кроме того, авторы данных курсов, обладая большой научной эрудицией и проницательностью, сделали немало интересных замечаний. В очередной раз мастером политического портрета показал себя В.О.Ключевский. Отдавая должное Сперанскому, считая его одним из лучших представителей академического (духовного) образования, известный историк констатировал: «Это был один из тех сильных, но заработавшихся умов, которые, без устали все анализируя и абстрагируя, кончают тем, что перестают понимать конкретное. Сперанский и доработался до этого несчастья»⁵¹.

В 90-е годы существенным вкладом в разработку проблемы могла бы стать монография В.Г.Щеглова⁵². Обширное исследование, посвященное 50-летию со дня смерти Сперанского, обещало многое, но в итоге так и не стала крупным научным событием. Щеглов поставил перед собой задачу не только изучить возникновение и деятельность Государственного совета, но и провести историко-сравнительное изыскание, которые, не имея большой научной ценности, заняло немало места в его работе. Автор соединил действительный текст «Введения» с «экстрактами» Н.И.Тургенева, посчитав их взаимодополняющими редакциями «Плана» 1809 г., что не

⁴⁹ Чернышевский Н.Г. Русский реформатор... С. 296.

⁵⁰ См.: Ключевский В.О. Новая русская история. Литография курса, читанного 1883–1884. М., б/г.; Куплеваский Н.О. Русское государственное право. Т. 2. Харьков, 1896. С. 25–41; Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 307–308; Романович-Славятинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев, 1886. С. 67–68, 74 и другие.

⁵¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 465.

⁵² См.: Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западноевропейскими учреждениями. Т. 1. Ярославль, 1892.

могло не привести его к ряду ошибочных выводов. В концептуальном отношении труд Щеглова относился к тем работам, которые сочетали в себе черты критической и позитивной историографии, стояли между ними.

«Линию» Чернышевского продолжил в это время С.Н.Южаков, работа которого носила научно-популярный характер и представляла интерес именно как *profession de foi* демократической историографии⁵³. Высоко оценивая «Ведение», он обнаружил в нём замечательную теоретическую стройность мысли и выдержанность принципов, правильное вертикальное и горизонтальное деление системы государственного управления, стремление децентрализовать его. Южаков готов был объявить Сперанского гением, но этому, по его мнению, мешало важное обстоятельство – «гений умеет не только проектировать, но и осуществлять или, по крайней мере, знает пути, ведущие к осуществлению». Автор высказал близкую Чернышевскому мысль – замысел Сперанского был неосуществим «при данных условиях и данными способами»⁵⁴.

Интерес к либеральным преобразованиям эпохи Александра I закономерно усилился в годы, непосредственно предшествовавшие революции 1905 – 1907 гг., когда для России вновь актуальной стала проблема конституционных преобразований. Следствием этого было практически одновременное появление нескольких крупных исследований, представлявших конкурировавшие историографические направления. Впрочем, различия между ними не всегда были четко обозначены. Появлялось много работ, соединявших, при преобладании одной из них, положения нескольких концепций. Таковым являлся монументальный труд Н.К.Шильдера, в котором наибольший интерес для нас представляет второй том⁵⁵. Историк-генерал придерживался консервативных взглядов, но ему не были чужды и некоторые либеральные идеи. Центральной проблемой этого биографического издания, естественно, являлась личность императора Александра I, поэтому «Введение» не стало в нём предметом специального исследования, но было затронуто как факт биографии монарха. По содержанию и политической направленности к исследованию Н.К.Шильдера примыкала появившаяся в 1901–1902 гг. в журнале «Русская старина» серия очерков Н.Ф.Дубровина, в одном из которых автор коснулся обстоятельств создания «Плана»⁵⁶. Дубровин не использовал новых, неизвестных ранее документов, в интерпретации событий находился под влиянием взглядов М.А.Корфа, М.П.Погодина и особенно Н.К.Шильдера, по публикации которого он пересказал «План».

Виднейшим представителем позитивную историографию в конце XIX в. стал В.И.Семевский. Впервые обратившись к проблеме в 1888 г., он позже сделал её одним из приоритетных направлений своих научных изысканий⁵⁷. Впрочем, отослав читателя к «талантливой книге А.Н.Пыпина», он не стал выяснять общеполитические условия появления «Введения», сосредоточившись на его источниковедческом анализе. Повторно автор обратился к истории отечественного либерализма в 1897 г.⁵⁸. Не исследуя специально эпоху Александра I, он дал общий обзор либеральных, в том числе конституционных, «общественных течений» в эпоху, охватывавшую полтора столетия русской истории.

Целая волна публикаций, затрагивавших проблему правительственного конституционализма начала XIX в., пришлась на период революции 1905–1907 гг.

⁵³ См.: Южаков С.Н. М.М.Сперанский, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.

⁵⁴ Южаков С.Н. Указ. соч. С. 33.

⁵⁵ См.: Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897.

⁵⁶ См.: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. Т. 108. № 10–12. С. 5–41.

⁵⁷ См.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1888.

⁵⁸ См.: Он же. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века // Историческое обозрение. Т. 9, СПб., 1897.

Правда, появившаяся в это время литература носила преимущественно «прикладной» к сложившейся в стране политической ситуации характер. «В настоящий момент вопрос о народном представительстве в России решен окончательно и бесповоротно, – писал С.Г.Сватиков. – Но для того, чтобы решить в какие именно формы должно вылиться это представительство, нужно быть знакомым не только с теоретической частью этого вопроса, с положением народного представительства в Западной Европе и его историческом развитии на Западе, но и с историей вопроса этого в России»⁵⁹. Авторы появившихся в 1905–1907 гг. публикаций принадлежали преимущественно к позитивному направлению историографии, для которого характерно не только пристальное внимание к конституционным проектам прошлого, но и некоторая идеализация как самих проектов, так и их авторов. Впрочем, существовали различия в научном уровне литературы, зависевшие от степени профессионализма авторов. Работы, вышедшие из-под пера публицистов, отличались популярным характером. Так, В.Е.Якушкин попытался прокомментировать известное пушкинское определение Сперанского и Аракчеева как гениев добра и зла, стоявших у противоположных дверей царствования Александра I. Якушкин идеализирует Сперанского, наделяет его всеми позитивными для государственного деятеля чертами: творческим умом, гениальными способностями, солидными и разнообразными знаниями, твердым характером и огромным трудолюбием⁶⁰. Автор подробно пересказал содержание «Введения», но не подверг его серьезному анализу. Большой интерес представляла другая книга Якушкина, где он достаточно подробно и продуктивно разобрал причины появления конституционного проекта 1809 г.⁶¹ Издания, авторами которых были профессионалы, отличались большей научной солидностью⁶². Так, С.Г.Сватиков в своей работе основывался на защищенной им в Гейдельберге докторской диссертации. Представляла интерес попытка автора выяснить иностранные источники «Введения», рецепцию Сперанским зарубежных конституционных норм. Одновременно историк продолжил путаницу, связанную с использованием исследователями различных вариантов проекта. По-своему интерпретируя публикацию Н.И.Тургенева, он полагал, что симпатии к сильной аристократии как основе политической свободы в России возникли у реформатора после его падения, и даже приписал ему составление нового проекта государственных преобразований⁶³.

К категории солидных в научном отношении работ можно, с некоторыми оговорками, отнести многотомное издание «История России в XIX в.». В нём участвовали М.М.Богословский, А.А.Кизеветтер, Н.А.Рожков, но наиболее востребованным автором оказался М.Н.Покровский, написавший раздел о внутренней политике Александра I⁶⁴. Работа Покровского интересна тем, что в ней автор впервые попытался исследовать комплекс проблем, связанных с конституционным проектом 1809 г., с позиции марксистской методологии. Историк-марксист в равной степени отвергал консервативно-скептическую и либерально-позитивную концепции как идеалистические. Уже в это время исследовательские приемы Покровского являлись излишне резкими, его выводы – слишком категоричными. «Историки-индивидуалисты,

⁵⁹ Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905. С. 3.

⁶⁰ См.: Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 35–36.

⁶¹ См.: Он же. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906.

⁶² См.: Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905; Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907; Кизеветтер А. Деятельный век в истории России. Ростов-на-Дону, 1905; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895).

⁶³ Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 123.

⁶⁴ См.: Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в. Т. 1. СПб., 1907. С. 67–137. Автор находился в это время в эмиграции.

– писал он, – всё сводившие в конце концов на влияние «добрых» и «злых» людей, усердно выписывали, с одной стороны, светлого Ормузда – Александра, его молодых друзей, Сперанского и т.д., с другой – мрачного Аримана в лице «старых служивцев», консерваторов и крепостников. Какие общественные группы стояли за теми и другими, это оставалось совершенно невыясненным»⁶⁵. Искренне или притворно не замечая этого, Покровский «ломился в открытую дверь», опровергая положения, которые уже были опровергнуты «буржуазной» историографией, против которой он ополчился. Борясь с «индивидуалистами», автор уклонился в другую крайность, недооценивая значение в истории личностного, субъективного фактора. Повороты в правительственной политике начала XIX в. Покровский связывал с противоречиями между различными группировками дворянства – высшим, в среде которого и возникали проекты либеральных реформ, и низшим, настроенным консервативно.

Интерес к проблеме сохранился и после окончания революции 1905–1907 гг. Смягченная цензура позволяла более плодотворно, чем раньше, заниматься этой остававшейся политически опасной темой. Некоторое разочарование, освобождение от «конституционных иллюзий», привело к определенной переоценке историками опыта отечественного политического реформаторства. Поэтому если в предшествующий период в историографии преобладали «позитивные» настроения, то теперь, по крайней мере, в первые послереволюционные годы, консерваторы вновь заметно заявили о себе, не опускаясь, впрочем, до примитивной попытки одержать идеологический реванш. Фактически, как и раньше, многие работы этого времени являлись синтезом двух основных историографических течений, соединяя отдельные их элементы. Но были исключения. Среди появившихся в послереволюционный период работ выделялась публикация С.М.Середонина, которую можно считать программной для консервативных критиков либеральных проектов Александра I⁶⁶. Середонин низко оценил конституционный проект 1809 г., посчитав его стройность кажущейся. Детальное изучение документа, полагал он, обнаруживало многочисленные противоречия и недомолвки. Хрестоматийной стала данная Середониным хлесткая оценка «Введения» как «сшитого из лоскутков, взятых или из политической литературы, или из конституций французских»⁶⁷. К проблеме Середонин вернулся в 1911 г.⁶⁸ Историк-скептик отказывался считать Сперанского искренним конституционалистом. Он указал на то, что после 1812 г. автор «Ведения» даже в частных письмах заявлял себя сторонником самодержавия, что и ранее он отнюдь не был последовательным сторонником идеи немедленного введения в России конституционного строя. Решительную перемену взглядов Сперанского автор объяснял двояко: или он поддался увлечению, вызванному доверительными беседами с монархом и другими сановными конституционалистами, или просто выполнил порученную ему работу.

К консервативно-критическому направлению историографии принадлежал Б.Б.Глинский⁶⁹. Вообще низко оценивая либеральных сотрудников Александра I, считая их большей частью мало знакомыми с русской жизнью идеологами, историк признавал, что наибольшее знакомство с ней и широту взглядов демонстрировал Сперанский. Что касается самого вдохновителя и верховного руководителя конституционных течений того времени, императора Александра I, то в его действиях

⁶⁵ Покровский М.Н. Александр I. С. 31.

⁶⁶ См.: Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.

⁶⁷ Там же. С. 14.

⁶⁸ См.: Середонин С. К «Плану всеобщего государственного образования» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборник статей. СПб., 1911.

⁶⁹ См.: Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612–1861. СПб., 1908.

историк усматривал явную неискренность и стремление соединить несоединимое: просвещенный абсолютизм бабки, романтические порывы юности и крайнюю нерешительность в действиях. Сходные оценки деятельности Сперанского содержала книга Ф.М.Уманца⁷⁰. Автор достаточно объективно оценил обстоятельства появления конституционного проекта 1809 г., но затем, переходя на язык публицистики, продемонстрировал свое резкое неприятие идеи «всеобщих преобразований» как таковой. «У нас нет студенческой курильни, где бы не было нескольких, в разных вкусах, «Планов всеобщего государственного преобразования», и в дортуарах женских институтов, прежде чем отойти ко сну, девицы обсуждают генеральные реформы, сразу охватывающие всю русскую жизнь», – с нескрываемым раздражением писал этот «постепеновец»⁷¹. Ещё дальше по пути консервативной критики проекта 1809 г. пошел М.М.Бородкин. Автор негативно оценивал характер Александра I, назвав его «рыцарем на час», который при богатом воображении и разносторонней образованности, был воспитан в ложных идеях, лишен трудолюбия и чувства долга. Напротив, Сперанского исследователь назвал редким по талантам человеком, но и его отнес к «модным беспочвенным мечтателям и неискренним конституционалистам»⁷². Как и многие другие историки этого направления, Бородкин считал, что Сперанский не верил в возможность политической свободы в современной ему России, составлял конституционный проект, действуя из конъюнктурных соображений. На противоположном, позитивном фланге историографии находился А.Н.Фатеев, откровенно признавшийся, что в оценке Сперанского он ближе к С.Н.Южакову, чем к М.А.Корфу⁷³. Фатеев, что естественно для либерального историка, высоко оценил «Введение», не согласился с расхожим мнением, что Сперанский был поклонником французских государственных учреждений, полагая, что реформатору, напротив, были ближе английские институты, идея общественного самоуправления.

По мере того, как события революции 1905–1907 гг. уходили в прошлое, а в обществе вновь стало накапливаться недовольство её ограниченными политическими результатами, консервативная историография постепенно стала терять свой задор и энергию, переходить к более взвешенным оценкам. В исторических исследованиях вновь стали преобладать позитивные, а не критические подходы. Умеренно-консервативные оценки были свойственны исследованию Э.Н.Берендтса⁷⁴. Само «Введение» затронуто в нём кратко, но автор дал оценку главным деятелям либеральных реформ начала XIX в. По его мнению, понимание необходимости глубоких политических реформ имело широкое распространение в образованных кругах русского общества, но при этом убежденных сторонников ограничения царской власти было немного, в начале правления Александра I, с иронией писал Берендтс, их можно было найти преимущественно в кабинете монарха⁷⁵.

Историки различных направлений, первый опыт сотрудничества которых относился к 1907 г., когда появилась «История России в XIX в.», вернулись к проблеме в юбилейном издании «Отечественная война и русское общество». В нём приняли участие В.Д.Бонч-Бруевич, Ю.В.Готье, В.В.Каллаш, Н.И.Кареев, М.К.Любавский, В.И.Пичета, Е.В.Тарле, М.И.Туган-Барановский и другие. Общую характеристику

⁷⁰ См.: Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910.

⁷¹ Там же. С. 99.

⁷² Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб, 1909. С. 18.

⁷³ См.: Фатеев А.Н. М.М. Сперанский. 1809–1909. Биографический очерк. Харьков, 1910.

⁷⁴ См.: Берендтс Э.Н. Проекты реформ Сената в царствование императора Александра I // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т.3. СПб., 1911.

⁷⁵ См.: Там же. С. 70.

эпохе Александра I и самому монарху дал С.П.Мильгунов⁷⁶. Автор, назвавший себя «иконоборцем», выступил против попыток исторически реабилитировать императора перед потомками. Мильгунов поставит под сомнение искренность Александра-реформатора, считая его либерализм позой. Правительственный либерализм исследователь связывал не с личными убеждениями монарха, а со сложными политическими обстоятельствами, с которыми столкнулся император. Собственно на либеральных реформах начала XIX в. остановился В.И.Семевский, составивший подробный очерк правительственной деятельности первых лет правления Александра I⁷⁷. В своих оценках он менее резок и категоричен, чем С.П.Мельгунов. Одновременно Семевский не согласился с ранее высказанным мнением «критика» С.М.Середонина о том, что Сперанский не считал Россию готовой к конституции, но в 1809 г. конъюнктурно, подстраиваясь под настроения Александра I, переменял свое мнение. Историк настаивал, что Сперанский был конституционалистом уже в 1802 г., но видел тогда в «правительственных сферах» того времени непреодолимые препятствия к введению конституции, поэтому посчитал за лучшее сохранить самодержавие, на содействие которого рассчитывал в проведении реформ, подготовивших бы переход к «истинной», т.е. ограниченной, монархии. В 1809 г. он поверил в возможность перехода к конституционному строю. В 1913 г. появилась ещё одна коллективная монография со смешанным в мировоззренческом отношении авторским коллективом⁷⁸. Раздел «Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века» написал В.Н.Сторожев, взгляды которого были близки «иконоборцу» С.П.Мельгунова. Он крайне резко отозвался и об Александре I, и о Сперанском, и о «Введении», которое не устраивало его своей недемократичностью и уходом от проблемы крепостного права.

Итоговым для дореволюционной позитивной историографии стал учебный курс А.А.Корнилов⁷⁹. Не соглашаясь с критиками Александра I слева и справа, историк полагал, что либерализм императора не был простым проявлением свойственных ему позерства, но отмечал поверхностность и мечтательность его политических взглядов, в которых причудливым образом сочетались идея необходимости ограничения самодержавной власти в теории и её ревнивое оберегание на практике. Автор не преувеличивал и силу конституционных убеждений Сперанского, который ранее писал о неготовности России к конституции. Корнилов полагал, что настроения Сперанского изменились под впечатлением заграничной поездки в 1808 г. и новых настроений императора. Оценивая «План», автор обнаруживал в нём много несовершенств, но не стал детально останавливаться на них из-за нереализованности проекта.

Таким образом, за сравнительно короткий срок историки добились значительных успехов в исследовании «Введения» 1809 г. Однако из-за ограниченного доступа к архивным материалам, а также политизированности вопроса, не все проблемы получили в дореволюционной историографии верное и глубокое освещение.

⁷⁶ См.: Мельгунов С.П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911. С. 122–152.

⁷⁷ См.: Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911. С. 152–194; Семевский В.И. Падение Сперанского // Там же. С. 221–246.

⁷⁸ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5. М., 1913.

⁷⁹ См.: Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993.

Список литературы:

1. *Алексеев А.С.* Легенда об олигархических тенденциях Верховного тайного совета в царствовании Екатерины I. М., 1896.
2. *Алексеев А.С.* Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.
3. *Андреевский И.Е.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1866.
4. *Белов Е.А.* Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880 // Исторический вестник. 1881. № 1.
5. *Берендтс Э.Н.* Проекты реформ Сената в царствование императора Александра I // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 3. СПб., 1911.
6. *Богданович М.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1–6. СПб., 1869–1871.
7. *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. М., 1906.
8. *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.
9. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Киев-СПб., 1900.
10. *Вяземский Б.Л.* Верховный тайный совет. СПб., 1909.
11. *Глинский Б.Б.* Борьба за конституцию. 1612–1861. СПб., 1908.
12. *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4.
13. *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры // Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 1. СПб., 1899.
14. *Дитятин И.И.* Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1896.
15. *Дмитриев Ф.* Сперанский. М., 1862.
16. *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905.
17. *Дубровин Н.* Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 10–12. Т. 108.
18. *Завитневич В.З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907.
19. *Загоскин Н.П.* Верховники и шляхетство 1730-го года. СПб., 1881.
20. *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // Отечественные записки. 1872. № 1–2.
21. *Ключевский В.О.* Новая русская история. Литография курса, читанного 1883–1884. М., б/г
22. *Ключевский В.О.* Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М., 1993.
23. *Кизеветтер А.А.* Деятельность девятнадцатый век в истории России. Ростов-на-Дону, 1905.
24. *Кизеветтер А.А.* Русского общество в XVIII столетии. Ростов-на-Дону, 1905.
25. *Костомаров Н.И.* Архиепископ Феофан Прокопович // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Вып. 6. СПб., 1876. С. 879–880;
26. *Он же.* Императрица Анна Ивановна // Там же. Т.2. Вып. 7. СПб., 1888. С. 108–212.
27. *Он же.* Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880 // Вестник Европы. 1880. Кн. 11.
28. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Вып. 6. СПб., 1876.

29. *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.
30. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993.
31. *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861.
32. *Куплеваский Н.О.* Русское государственное право. Т. 2. Харьков, 1896.
33. *Лонгинов М.Н. Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861 // Русский вестник. 1861. Т. 34. № 8.
34. *Лонгинов М.Н.* Граф Сперанский // Русский вестник. 1859. Т. 23. № 8.
35. *Любавский М.К.* Русская история XVII – XVIII вв. СПб., 2002.
36. *Мельгунов С.П.* Император Александр I // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911.
37. *Миллюков П.Н.* Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905.
38. *Новаковский В.* Биографические очерки. М.М. Сперанский. СПб., 1868;
39. *Осокин Н.* Полторацка лет назад. СПб., 1881.
40. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
41. *Погодин М.* Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871. № 1–3.
42. *Покровский М.Н.* Александр I // История России в XIX в. Т. 1. СПб., 1907.
43. *Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.
44. *Протопопов Д.* Несколько слов о Сперанском // Русский архив. 1876. № 2.
45. *Пытин А.Н.* Общественное движение при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1871.
46. *Романович-Славатинский А.В.* Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского. Киев, 1873.
47. *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев, 1886.
48. *Сватиков С.Г.* Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.
49. *Семевский В.И.* Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века // Историческое обозрение. Т. 9. СПб., 1897.
50. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1888.
51. *Семевский В.И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911.
52. *Семевский В.И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911.
53. *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890.
54. *Середонин С.М.* Граф М.М.Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
55. *Середонин С.* К «Плану всеобщего государственного образования» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборник статей. СПб., 1911.
56. *Соловьев С.М.* Птенцы Петра Великого // Русский вестник. 1861. Т. 31. № 1–2.
57. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 10. М., 1999.
58. *Сторожев В.Н.* Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX в. // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5. М., 1913. С. 126–186.

59. *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны Иоанновны. Ч. 1. М., 1909.
60. *Уланов В.Я.* Эпоха дворцовых переворотов // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 3–4. М., 1912.
61. *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910.
62. *Чернышевский Н.Г.* Русский реформатор (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М.Корфа) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. СПб., 1906.
63. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
64. *Шашков С.С. (SS)* «Коварные письма» или русская Magna Charta // Дело. 1881. № 1.
65. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897.
66. *Щебальский П.К.* Вступление на престол императрицы Анны // Русский вестник. 1859. Т.19. Кн. 1.
67. *Щеглов В.Г.* Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западноевропейскими учреждениями. Т. 1. Ярославль, 1892.
68. *Фадеев А.Н.* М.М. Сперанский. 1809–1909. Биографический очерк. Харьков, 1910.
69. *Филиппов А.Н.* Кабинет министров и его сравнение с ВТС. Юрьев, 1898.
70. *Филиппов А.Н.* Высокий Сенат в царствования Екатерины I и Петра II // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т.1. СПб., 1911.
71. *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1914.
72. *Южаков С.Н.* М.М.Сперанский, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.
73. *Якушкин В.Е.* Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906.
74. *Якушкин В.Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.